

УДК 821.161.1.09-14+929Ахматова

Насекомые в любовной лирике А. А. Ахматовой

Л. Цзоу

Цзоу Лувэй, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Luvej.czzou@mail.ru

В статье осуществлен анализ образа осы в раннем стихотворении А. А. Ахматовой. Показано, как образ насекомого входит в развернутую метафору и становится важным средством раскрытия внутреннего состояния лирической героини.

Ключевые слова: оса, психологизм, любовная лирика, А. А. Ахматова, любовь, переживания, вещная символика.

Insects in the Love Lyric of A. A. Akhmatova

L. Zou

Luwei Zou, <http://orcid.org/0000-0003-3917-8829>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, Luvej.czzou@mail.ru

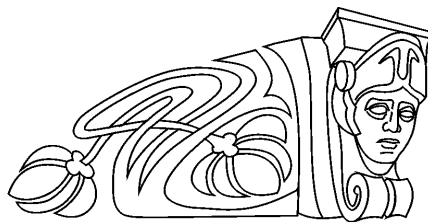
The article carries out the analysis of the image of a wasp in an early poem by A. A. Akhmatova. The article shows how the image of an insect penetrates an extended metaphor and becomes an important means of revealing the inner state of the lyrical heroine.

Keywords: wasp, psychological quality, love lyric, A. A. Akhmatova, love, emotional experience, object symbolism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-208-210>

Любовь является одним из ведущих мотивов поэзии А. А. Ахматовой. Любовную лирику поэтессы отличает глубочайший психологизм, раскрываемый с помощью разнообразных художественных приемов. Например, В. М. Жирмунский отмечал, что для достижения психологической убедительности она пользуется «вещной символикой», подробно изображает жесты и мимику героини. Таким образом, перед читателем возникает «внешняя обстановка», в которой дано «душевное явление»¹. В. В. Виноградов указывал на существенную роль контраста в лирике А. А. Ахматовой, полагая, что «путем неожиданной прицепки другого "символа", контрастирующего или вообще диссонирующего»², реализуется психологическое напряжение. В исследованиях творчества А. А. Ахматовой названы и другие приемы и функции средств художественной выразительности.

Между тем, исследуя художественный мир А. А. Ахматовой, авторы проходят мимо таких важных деталей, какими являются на первый взгляд мелкие и не слишком выразительные представители фауны – насекомые. Мы же уверены в большом и важном значении образов насекомых

для создания ахматовского психологизма. Заметим, что и М. А. Кузьмин, и В. М. Жирмунский, и Б. М. Эйхенбаум, и Л. Я. Гинзбург, и Л. Г. Кихней указывали на роль «предмета», «вещи» в любовной лирике поэтессы. К категории вещного мира, на наш взгляд, вполне можно отнести и насекомое. С нашей точки зрения, насекомое обладает всеми характеристиками предмета, но предмета *одушевленного*. Таким образом, нам хотелось бы расширить категорию вещного мира у А. А. Ахматовой за счет одушевленного предмета, который, как и предмет неодушевленный, выступает одним из художественных воплощений психологического начала.

Итак, мы бы хотели обратить внимание именно на насекомое, видимое воочию лирическим персонажем либо возникающее в его воображении или памяти. В качестве примера обратимся к стихотворению А. А. Ахматовой, датированному 1911 г.:

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.
Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.
О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо³.

В стихотворении «Я сошла с ума, о мальчик странный» бросается в глаза определение поэтессы особенностей своего состояния, вызванного неким событием и названного ею сумасшествием («я сошла с ума, о мальчик странный»). Далее с дневниковой точностью датируется, когда это событие произошло («в среду, в три часа»), и дается сама фактура события, случившегося с лирической героиней: ее ужалила оса. Событийный ряд первых шести строк кажется отражающим реальное состояние дел, хронику событий. Начиная с седьмой строки, лирический образ словно перетекает из реально-бытового сначала в сказочный («Но конец отравленного жала был острее веретена...»), а затем, в последней строфе, дополняется новыми поэтическими смыслами, становится развернутой метафорой и переводит лирическое обращение в любовную плоскость. Последние строки («Посмотри, на пальце безымянном / Так красиво гладкое

кольцо») дают читателю волю для додумывания через сложные образные ряды: укус осы – кольцо (быть может, обручальное); кольцо – подарок от «мальчика странного» – равно отравленному жалу. Эти ряды можно продолжать. Перед нами иносказание: укус осы, ее острое жало напомнило о стреле Эроса, о любви, которая пронзила сердце женщины. Психологизм усилен поэтессой с помощью контраста между маленьким жалом осы и глобальностью «результатов». Как справедливо отметил Г. В. Адамович, здесь «Ахматова возвышает и возвеличивает мелкие любовные случаи, <...> наделяет их каким-то неведомым тяжким богатством»⁴. Но контрастны и другие «события» в стихотворении: сумасшедшее состояние контрастирует с указанием точного времени наступления болезни; одновременно боль от укуса была настолько сильна, что точно запомнилось время этого «инцидента». Кроме того, смерть осы (как известно, потеряв жало, осы и пчелы умирают) может указывать как на возрождение былой любви, так и на ее умирание. Не случайно в стихотворении очень силен мотив умирания, смерти.

Метафорический ряд пронизан признаниями, которые объясняют обстоятельства и силу любви к «странному мальчику». Возникает понимание того, что лирическая героиня была «отравлена» любовью (жало этого насекомого содержит яд). Так укус осы становится источником целого длинного ряда переживаний, которые в метафорическом плане раскрывают движения души героини.

Иносказание расшифровывается: любовь начинается беспричинно, внезапно (как внезапен был укус), ее конец непредсказуем, невозможно точно определить время исчезновения любовного чувства и даже сказать, окончательно ли оно исчезло (ведь и лирической героине может только «казаться», что придавленная оса умерла). Но одно несомненно: любовь была сильной и дурманящей («отравленное жало» было «острей веретена»). Упоминание о веретене может вызвать в памяти сказку о спящей красавице, которая тоже заснула на много лет после того, как поранилась острием этого предмета, пока ее не разбудил поцелуем прекрасный юноша. Значит, укус осы содержит потенциально еще намек на погружение в любовное оцепенение и оживляющий поцелуй.

С помощью повторного обращения к лирическому адресату («странный») в последней строфе создается композиционное кольцо, завершающее стихотворение. Этим А. А. Ахматова хочет подчеркнуть, что героиня мысленно обращается к своему возлюбленному вновь и вновь. А эпитет «странный», который является единственной характеристикой загадочного мальчика, подчеркивает, что любовь возникает и развивается беспричинно, независимо от качеств объекта любви и помимо человеческой воли. Метонимически «кольцо» – знак любви,

которая проявляется противоречиво. В ней есть радостные моменты («мальчик улыбнется»), но содержится и горечь (героиня при воспоминаниях может лить слезы: «заплачу»). Кольцо – соединение несостоявшегося прошлого и обреченного на потерю страстной, сильной любви настоящего. Примечательно, что оса ужалила именно безымянный палец, на который надевается обручальное кольцо, свидетельство о статусе замужней женщины. Героиня неслучайно с некоторым вызовом предлагает взглянуть и полюбоваться этим кольцом утраченному возлюбленному, образ которого вновь возник перед ней – но уже в воображении. Он как бы «материализовался» благодаря укусу осы.

Стихотворение начинается с упоминания об укусе осы, дважды дается характеристика загадочного возлюбленного как «странного мальчика» и заканчивается кольцом, надетым другим мужчиной на палец, укушенный осой. Психологическая драма разворачивается в длительную историю именно благодаря этому насекомому, с ним связывается метафора безумия, овладевшего женщиной. Стало быть, оса представляет собой ключ к пониманию внутреннего состояния лирической героини.

Итак, подводя итог, можно отметить, что оса в стихотворении А. А. Ахматовой 1911 г. помогает раскрыть внутренний мир и переживания героини, боль, которой может сопровождаться любовь. Для поэтессы важно показать неожиданность возникновения и исчезновения боли-любви. В мире А. А. Ахматовой «явления аккомпанируют внутренней речи героини»⁵, – писал В. В. Виноградов. Неожиданный образ насекомого, найденный поэтессой для поэтического воплощения любовного чувства, оказывается в центре развернутой метафоры, способной максимально полно воссоздать обертоны переживаний, свойственных влюбленной женщине, – от восторга до страдания, от возрождения до смерти, от истерики к мертвенному покою. Так разворачивается противоречивое чувство, характерное для лирической героини А. А. Ахматовой.

Фиксация противоречий душевной жизни – одна из черт психологического анализа А. А. Ахматовой, с помощью которого она раскрывает динамику изменений во внутреннем мире своих героинь. Психологический портрет лирической героини здесь емкий и напряженный. Насекомое, ставшее импульсом к развитию столь бурного любовного чувства, играет в стихотворении решающую роль.

Примечания

- ¹ Жирмунский В. Анна Ахматова // Анна Ахматова : pro et contra : в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 144.
- ² Виноградов В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) // Там же. С. 564.

- ³ Ахматова А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1998. С. 61.
- ⁴ Адамович Г. Анна Ахматова // Анна Ахматова : pro et contra. Т. 1. С. 728.
- ⁵ Виноградов В. О символике А. Ахматовой // Там же. С. 266.
- ⁶ Жирмунский В. Два направления современной лирики // Там же. С. 190–195.

Образец для цитирования:

Цзоу Л. Насекомые в любовной лирике А. А. Ахматовой // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 208–210. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-208-210>

Cite this article as:

Zou L. Insects in the Love Lyric of A. A. Akhmatova. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 208–210 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-208-210>
